

МИЛАНА ЖИВАНОВИЧ

**СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ЗЕРКАЛЕ ЮГОСЛАВСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹**

**SOVIET-YUGOSLAV RELATIONS AS REFLECTED
IN YUGOSLAV HISTORIOGRAPHY**

The article examines Yugoslav historiography on Soviet-Yugoslav relations from the inter-war period to the dissolution of socialist Yugoslavia. It demonstrates that scholarly interpretations were shaped to a significant extent by ideological premises and by shifts in the country's foreign policy, a dependence particularly evident in assessments of monarchical Yugoslavia's policies and in representations of the role of the USSR. The study reviews early works of the 1950s and 1960s (by M. Kršljanin and others), in which socialist narrative frameworks predominated, as well as the foundational research of Vuk Vinaver and Bogdan Križman on the reasons behind Yugoslavia's prolonged non-recognition of the Soviet Union and on the evolution of diplomatic and economic contacts between 1918 and 1941. A separate section addresses scholarship on the Second World War and on the joint operations of the Red Army and the Yugoslav People's Liberation Army, tracing how interpretations of their respective contributions shifted from the 1950s to the 1980s. The article shows that studies of the post-war political relationship remained extremely limited until the 1980s; against this background, particular attention is given to the works of Branko Petranović, who offered a critical reassessment of the 1948 split, Stalin's policies, and the distinct character of the Yugoslav revolution. Special emphasis is placed on Nikola Popović's 1988 monograph, the first comprehensive and balanced study of bilateral relations in 1941–1945, which exerted a notable influence on subsequent interpretations of Soviet-Yugoslav relations. The article concludes that Yugoslav historiography on this topic was marked by fragmentation and ideological conditioning, even as some studies sought to develop more nuanced and source-based interpretations. In doing so, the article addresses a historiographical lacuna by systematising the principal directions, achievements, and limitations of Yugoslav scholarship.

Keywords: Soviet-Yugoslav relations, Yugoslav historiography, USSR, Yugoslavia

Milana Živanović – PhD in History, Senior Research Associate, Institute for Recent History of Serbia. E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com. ORCID: 0000-0003-4130-0408

¹ *Citation: MILANA ŽIVANOVIĆ, „Sovetsko-iugoslavskie otnosheniia v zerkale iugoslavskoi istoriografii“ [Soviet-Yugoslav Relations as Reflected in Yugoslav Historiography], RussianStudiesHu 8, no. 1 (2026): 57–74. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2026.8.4*

В югославской послевоенной историографии, а также в идеологии новой коммунистической власти, события и итоги Второй мировой войны, повлекшие изменения в структуре власти и государственного строя, занимали центральное место. Самое пристальное внимание исследователи уделяли периоду с 1941 по 1945 год. Так библиография трудов по Народно-освободительной войне и революции в Сербии с 1941 по 1944 год насчитывала почти девять тысяч работ (до 1989 года)². При том что приоритетные направления научных исследований были чётко заданы, выбор тем и оценка исторических событий в значительной степени формировались под воздействием государственной политики, внешнеполитического курса и официального нарратива. Особенно ярко это проявлялось в работах, посвященных советско-югославским отношениям.

С 1918 по 1991 год советско-югославские отношения прошли различные стадии развития: от военного, политического, экономического сотрудничества до ссор, конфликтов, отсутствия дипломатических отношений³. Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года – Королевство Югославия) до 1940 года по политическим и идеологическим причинам отказывалось от установления дипломатических отношений с СССР, хотя его дипломаты поддерживали контакты с советскими коллегами. Начало Второй мировой войны привело к изменению политического курса Югославии в отношении СССР, а события военных лет – к военному сотрудничеству между Красной армией и Народно-освободительной армией Югославии, совместному освобождению страны от оккупантов. В течение первых лет после окончания Второй мировой войны двусторонние отношения находились на самом высоком уровне. Однако с принятием Резолюции Информбюро в июне 1948 года начался конфликт, длящийся до середины 1950-х годов⁴. В

2 АЛЕКСЕЈ ТИМОФЕЈЕВ, *Руси и Други светски рат у Југославију: Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославију 1941–1945*. (Београд: Институт за новију историју Србије, 2011), 19.

3 НИКОЛА В. ПОРОВИЋ, *Jugoslovensko-sovjetski odnosi u Drugom svetskom ratu (1941–1945)* (Београд: Institut za savremenu istoriju, 1988); А.Б. ЕДЕМСКИЙ, *От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг.* (Москва: Российская академия наук, Институт славяноведения, 2008); АЛЕКСЕЈ ТИМОФЕЈЕВ, *Руси и Други светски рат у Југославију*; МИРОСЛАВ ЈОВАНОВИЋ, *Срби и Руси 12–21. век: историја односа* (Београд: Народна библиотека Србије, 2012); ЂОКО ТРИПКОВИЋ, *Jugoslavija–SSSR (1956–1971)* (Београд: Institut za savremenu istoriju, 2013).

4 *Југословенско-совјетски сукоб 1948. године: Зборник радова* (Београд: Институт за савремену историју, 1999); L. J. GIBIANSKI, „Sovjetsko-jugoslovenski sukob 1948: istoriografske verzije i novi arhivski izvori“, in *Jugoslavija v hladni vojni: Zbornik z Znanstve-*

1955 году было официально объявлено примирение, за которым, правда, вскоре последовал еще один спор между Москвой и Белградом. И в дальнейшем они будут возникать периодически по разным причинам⁵. Именно такие сложные, часто меняющиеся двусторонние отношения сказывались на их научной оценке, а также на степени их изученности в югославской историографии⁶.

Первые статьи по советско-югославским отношениям стали появляться в югославской историографии в 1950-е годы. Авторы обращались к периоду межвоенного периода, а также к событиям недавних военных лет. Однако они не всегда давали объективную оценку историческим событиям: в работах находили отражения нарративы социалистических властей относительно политики Королевства сербов, хорватов и словенцев / Королевства Югославия, в том числе и в отношении СССР, а также вклада Красной армии и Народно-освободительной армии Югославии в освобождение страны в 1944–1945 годы. К таковым относится одна из первых опубликованных работ по советско-югославским отношениям. Автор вышедшей в 1956 году статьи, сотрудник Института международной политики и экономики Миролjub Кршлянин, давая критическую оценку политике правительств Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС), принявших русских беженцев, а также деятельности самых представителей русской эмиграции в стране, утверждал, что, в 1920 году в стране «повсюду велась подготовка к контрреволюции».⁷ На основании сведений, опубликованных в коммунистической прессе, автор подчеркивал, что после прибытия генерала Петра Николаевича Врангеля в Королевство СХС началась интенсивная подготовка к интервенции в Советской России. Ссылаясь на секретные документы, которые советский дипломат Георгий Васильевич Чичерин предал гласности в 1922 году, и в которых говорилось о том, что «врангелевцы готовились к вооруженным

nega posveta Jugoslavija v hladni vojni (Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino; Toronto: University, 2004), 27–47.

- 5 А. Б. Едемский, *От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг.*; Љубодраг Димић, „Јосип Броз и Никита Сергејевич Хрушчов: разговори у Београду 27. мај – 2. јун 1955“, *Историјски гласник*, no. 1–2 (1997), 35–67; Ђоко Триковић, *Jugoslavija–SSSR (1956–1971)*.
- 6 Милана Живанович, „Југославска научна литература об учасци руских емигрантов в движену Сопротивлења“, *Ежегодник Дома русскогo зарубежја им. Александра Солженицына*, no. 12 (2023), 22.
- 7 Цит. по: МИРОЉУВ КРШЉАНИН, „Kontrarevolucionarna akcija kraljevskih vlada u Београду protiv SSSR-a (1918–29)“, *Pregled*, no. 10 (1956), 647.

действиям против СССР на территории Королевства СХС», Кршлянин утверждал, что правительство государства южных славян начало подготавливать операцию по свержению советского правительства⁸.

В 1960-е и 1970-е годы появились статьи Вука Винавера, которые, несмотря на вышеуказанные недостатки, внесли в то время самый большой вклад в изучение советско-югославских отношений межвоенного периода. Историк, защитивший свою докторскую диссертацию по теме «Дубровник и Османская империя в XVIII в.» и работавший в нескольких исторических институтах в Белграде⁹, постепенно отдавал предпочтение изучению современности. В течение своей научной карьеры он подробно изучал различные аспекты югославской внешней политики и ее отношения с разными странами Европы. Его работы основывались на архивных материалах, литературе на различных иностранных языках, а также на материалах прессы. В 1965 году вышла первая его работа по югославо-советским отношениям в период с 1919 по 1929 годы. Вук Винавер подчеркивал, что в рассматриваемый период различные политические силы в стране (члены Коммунистической партии Югославии, Хорватской крестьянской партии, республиканской, земледельческой партий, черногорские федералисты, социалисты) требовали установления дипломатических отношений с СССР. На основании документов из архива МИД, а также прессы, ученый утверждал, что на фоне мировых кризисов (давления со стороны Италии) и усиления поддержки оппозиционным силам в стране, югославское правительство было готово установить тесные связи и признать СССР, однако этому помешали король Александр Карагеоргиевич и консерваторы, которые возглавляли правящие партии, из-за страха от возможного расширения революционных идей¹⁰. Винавер показал, что после 1919 года между представителями двух стран существовали контакты, что советская сторона неоднократно предлагала возобновление дипломатических отношений: в 1922 году дипломаты даже обсуждали этот вопрос, однако установления отношений не последовало¹¹.

В очередной статье, вышедшей в 1967 году, и затрагивавшей период с 1919 по 1926 год, Вук Винавер утверждал, что председатель Советов министров Королевства СХС Никола Пашич воспрепятствовал

8 Ibid, 648, 650, 651.

9 <https://www.pisi.co.rs/authors/vuk-vinaver/> (дата обращения: 3.7.2025)

10 VUK VINAVER, „Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919–1929“, *Istorija 20. veka*, no. 7 (1965), 93–94, 182.

11 Ibid, 103, 104, 106, 111, 119, 121, 122, 123, 124, 126, 128.

нормализации двусторонних отношений¹². В работе, основанной на документах из архивов югославского и чехословацкого министерств иностранных дел, а также Архива Военно-исторического института в Белграде, автор писал, что в 1920 году правительство Королевства СХС, подражая политике великих держав, которые не установили дипломатических отношений с Советской Россией, отказалось от любых контактов с этой страной¹³. Историк утверждал, что Пашич был уверен, что Советская Россия оказывала поддержку оппозиционным силам в его стране – по мнению Винавера, моральную, – и собиралась изменить действующую систему власти в Королевстве – политико-общественную, а именно «свергнуть его и разрушить политическую систему». Члены радикальной партии во главе с их лидером Пашичем были уверены, что установление дипломатических отношений с Россией было бы выгодным только для югославских коммунистов. Поэтому премьер-министр страны в данный период отказывался от любых контактов с Советской Россией¹⁴. Тем не менее в 1920-е годы контакты все-таки налаживались, хотя они не приводили к установлению дипломатических отношений¹⁵.

В вышедшей в 1965 году статье Винавера, затрагивавшей историю югославо-советских отношений 1929–1934 года, ученый утверждал, что после установления диктатуры короля Александра Карагеоргиевича 6 января 1929 года путем роспуска парламента страны, югославское правительство проводило «чуть ли не откровенно вражескую политику в отношении СССР»¹⁶. При этом, по мнению Винавера, на фоне урегулирования внутривластной ситуации, «уничтожения оппозиционных сил и принятия мер по унификации государства», король и подумать не мог о каких-либо акциях против СССР¹⁷. Историк утверждал, что правитель Королевства СХС, который «всегда с полной неприязнью относился к СССР», отказывался от установления отношений с СССР, так как он был убежден в том, что советский посол стал бы организатором «пропаганды большевизма» в стране¹⁸. Ученый при этом

12 Vuk VINAVER, „Pašić, radikali i pitanje uspostavljanja jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa (1919–1926)“, *Pregled*, no. 9 (1967), 217.

13 Ibid, 220.

14 Ibid, 221.

15 Ibid, 224, 226.

16 Цит. по: Вук Винавер, „Прилог историји југословенско-совјетских односа 1929–1934. године“, *Историјски гласник*, no. 1 (1965), 3.

17 Ibid, 13.

18 Ibid, 47.

напоминал, что, подписав Конвенцию об определении агрессии в 1933 года, Югославия косвенным путем признала СССР, так как Центральный Исполнительный комитет СССР был одним из подписантов этого документа¹⁹. К тому же, на сессии Постоянного совета Малой Антанты, состоявшейся в январе 1934 года, была принята рекомендация об установлении дипломатических отношений с СССР». Однако очевидно, что «югославская сторона не спешила этого сделать, разрешив при этом своим союзникам установить отношения с СССР»²⁰. А в 1934 году король вовсе отказался от установления отношений с СССР²¹.

Секретные советско-югославские переговоры, которые велись с 1934 по 1938 год, стали темой вышедшей в 1971 году статьи Вука Винавера. Ученый признавал, что на протяжении всего межвоенного периода между двумя странами велись секретные консультации. Их итоги отражали реалии европейской современности 1930-х годов, успехи Германии, но и влияли на них²². Историк утверждал, что отказ Югославии от признания СССР соответствовал интересам «тех государств, которые разрушали Версальскую систему и готовились к порабощению европейских народов – в первую очередь живущих в Подунавье»²³. Винавер писал, что внешняя политика Югославии состояла в сидении на двух стульях – сотрудничестве и поддержании хороших отношений как со странами Оси, так и с западными государствами, и даже в ведении секретных переговоров с СССР²⁴. Автор утверждал, что югославо-германское сотрудничество затрудняло и мешало процессу урегулирования отношений и заключения договора между Белградом и Москвой: отказ от установления отношений с СССР и страх перед Италией укрепляли югославо-германские отношения и способствовали реализации нацистских планов по освоению Подунавья²⁵.

В вышедшей в 1966 году статье под названием «Внешнеполитические причины установления югославо-советских дипломатических отношений в 1940 году», Винавер утверждал, что в начале Второй мировой войны югославское правительство вынуждено было устано-

19 Ibid, 47.

20 Цит. по: Ibid, 48.

21 Ibid, 52.

22 Вук Винавер, „Неуспех тајних југословенско-совјетских преговора 1934–1938. године (једна значајна етапа у немачком освајању Подунавља)“, *Зборник за историју*, по. 3 (1971), 28.

23 Цит. по: Ibid, 29.

24 Ibid, 30.

25 Ibid, 44, 47, 48.

вить дипломатические отношения с СССР, возложив свои надежды на эту страну и его растущую роль в европейской политике²⁶. По мнению историка, сближение с СССР позволяло укрепить баланс сил на Балканах, ослабить внешние угрозы (со стороны Италии), а также разрядить внутривосточную обстановку в Югославии²⁷.

Этому же вопросу Винавер посвятил еще одну статью, вышедшую в том же году. Ученый отмечал, что в указанный период произошло «политическое сближение» между двумя странами. Он утверждал, что несмотря на договор о ненападении с Германией и нейтральную позицию, которую в начале Второй мировой войны занял Советский союз, а также внешнюю политику Королевства Югославия в данный период, оба государства понимали, что могут быть подвергнутыми нападению со стороны стран оси. По этим причинам между ними было налажено сотрудничество²⁸. Винавер писал, что произошедшая в апреле 1940 года смена политического курса югославского правительства в отношении СССР была вызвана стремлением противодействовать итальянской угрозе²⁹. От советских дипломатов оно получало заверения, что Москва отреагирует на любую итальянскую акцию на Балканах и не допустит поражения Югославии и Турции³⁰. По мнению историка, СССР стремился сохранить нейтральную позицию, отсрочить нападение Третьего Рейха на страну и старался не допустить расширения военного конфликта на Балканах³¹. Ученый утверждал, что СССР способствовал отсрочке вторжения стран Оси на полуостров, а также помог югославскому правительству отсрочить присоединение к Тройственному пакту на четыре месяца. Наладив сотрудничество в целях совместной борьбы за мир и сохранения статус-кво, СССР и Югославия защищали свои интересы – СССР сохранил свою нейтральность, а Югославии удалось ослабить давление со стороны Германии. По мнению автора, политическое сотрудничество и сближение свидетельствовали об общности интересов³².

26 Вук Винавер, „Спољнополитичка позадина успостављања југословенско-совјетских дипломатских односа 1940. године“, *Зборник Матице српске за друштвене науке*, no. 45 (1966), 5.

27 Ibid, 47.

28 Вук Винавер, „Прилог историји југословенско-совјетског политичког зближења 1940–41. године“, *Историјски гласник*, no. 1 (1966), 3.

29 Ibid, 6.

30 Ibid, 7.

31 Ibid, 54.

32 Ibid, 55.

Продолжением изучения этой темы стала работа Винавера о советско-югославском договоре о дружбе и ненападении, подписанном в Москве в ночь с 5 на 6 апреля 1941 года – в день начала Апрельской войны (вторжения Германии и Италии в Югославию). Ученый повторял, что в 1940 году Югославия решила искать поддержки у СССР, чтобы защитить себя от возможной атаки со стороны Италии. Заявления со стороны СССР о том, что он заинтересован в мире на Балканах, укрепили югославские власти во мнении о том, что эта страна могла бы поддержать их в случае агрессии со стороны Италии, и сами советские дипломаты заверяли своих югославских коллег, что их страна не заинтересована в том, чтобы государство южных славян подверглось атаке³³. Автор подчеркнул, что советско-германский конфликт вокруг Балкан, возникший осенью 1940 года, привел к подписанию данного договора – своего рода «аналогу» Тройственного пакта, который государство южных славян подписало 25 марта 1941 года. Хотя историк признал, что его подписание не привело к каким-либо действиям из-за быстрого поражения Югославии в Апрельской войне, сам факт его подписания имел «большое значение», так как он отражал тогдашние реалии. «В момент своего создания старая Югославия входила в состав блока Антанты, который конфликтовал с СССР, а окончила свое существование как страна, возлагающая свои надежды на СССР»³⁴. Винавер утверждал, что Сталин не мог подписать соглашение о взаимопомощи, потому что в таком случае он должен был бы отправить войска в Югославию, или в случае вторжения Рейха в эту страну – напасть на Германию. Но ученый подчеркнул, что СССР мог направить оружие в Югославию, которое эта страна просила в мае 1940 года для защиты от стран Оси, а также дипломатическим путем надавить на них для того, чтобы предотвратить вторжение в Югославию³⁵. В итоге, по мнению автора, СССР оказал поддержку Югославии и предупредил Германию не нападать на государство южных славян. Винавер также утверждал, что советско-югославское сближение 1940 года ослабило угрозы со стороны Италии, а подписание самого договора считал результатом несомненной поддержки «защитников Балкан». Ученый пришел к выводу, что, если Сталин в интересах безопасности СССР оказал дипло-

33 Вук ВИНАВЕР, „Југословенско-совјетски пакт од априла 1941. године“, *Историјски гласник*, по. 1 (1973), 30–31, 34–35.

34 Цит. по: *Ibid*, 7.

35 *Ibid*, 61.

матическую и моральную поддержку Белграду, и предупредил Гитлера – тем самым он помог Югославии.³⁶

Вук Винавер занимался не только политическими, но и экономическими двусторонними отношениями. В вышедшей в 1967 году статье ученый утверждал, что несмотря на то, что до 1940 года между двумя странами не было дипломатических отношений, Королевство СХС / Королевство Югославия вело торговлю с СССР. Экономические связи между странами были незначительными: за период с 1930 по 1939 год экспорт из СССР в общей сложности составил около 52 миллионов динаров³⁷. В 1920-е годы вопрос установления торговых отношений с СССР обсуждался как деловыми кругами в Королевстве, так и советскими и югославскими дипломатами, но установления торговых отношений не последовало, поскольку, как отметил Винавер, король и «группа влиятельных людей, находившихся у власти, воспрепятствовали политическо-экономическому сближению» с Советским Союзом³⁸. Только экономический кризис и его последствия вынудили правительство изменить свою позицию по вопросу ведения торговли с СССР: уже в 1930 году экспорт товаров из СССР превысил 7,5 миллионов динаров, пока импорт составил менее 500 000 динаров (для сравнения следует отметить, что импорт из Чехословакии за период с 1922 по 1934 год составил 15,7 миллионов динаров, а экспорт в Германию в январе-феврале 1936 года – 154 миллионов динаров). В 1934 году Министерство торговли Югославии даже подготовило текст конвенции о торговле с СССР, однако установления более тесных связей в области торговли не последовало – король Александр Карагеоргиевич возразил против этого. Только в 1940 году были установлены торговые отношения³⁹. Винавер пришел к выводу, что тот факт, что на протяжении всего межвоенного периода Королевство СХС / Королевство Югославия вело торговлю с СССР свидетельствовал о «заинтересованности двух стран в сотрудничестве и дружбе и в области экономики»⁴⁰.

Вклад в изучение советско-югославских отношений межвоенного периода внес и Богдан Кризман, также изначально защитивший докторскую диссертацию по истории дипломатии Дубровницкой респу-

36 Ibid, 75, 84, 86.

37 Vuk VINAVER, „O jugoslovensko-sovjetskoj trgovini između dva rata“, *Pregled*, no. 1-2 (1967), 95.

38 Ibid, 97.

39 Ibid, 102-104, 107.

40 Цит. по: Ibid, 108.

блики в XVIII в. Он работал в Государственном архиве, потом в Адриатическом институте, и затем – в университете в Загребе⁴¹. Одна глава в его книге «Внешняя политика югославского государства с 1918 по 1941 год» была посвящена вопросу признания Советской России. В ней автор назвал причину неустановления дипломатических отношений между Югославией и СССР. По мнению Кризмана, антикоммунизм короля Александра Карагеоргиевича, и потом фактического правителя Югославии после его убийства – князя Павла Карагеоргиевича, в первую очередь повлиял на отсутствие дипломатических отношений⁴². Историк утверждал, что в первые годы диктатуры короля Александра о признании СССР не могло бы быть и речи, однако, по его мнению, после 1931 года во внешней политике страны стали заметны признаки смены политического курса – само подписание Конвенции об определении агрессора являлось фактическим признанием СССР. Тем не менее в данный период не последовало установления дипломатических отношений, в первую очередь, из-за несогласия короля признать СССР, хотя югославские дипломаты подчеркивали, что подписанием Конвенции Югославия уже де факто этого сделала⁴³. Князь Павел, фактический правитель государства после убийства короля Александра в Марселе в октябре 1934 года, продолжил политику своего предшественника по непризнанию СССР. Он утверждал, что внутривосточная обстановка в стране не позволяла ему установить дипломатические отношения с Советским Союзом, так как присутствие советского посла в Белграде могло бы негативно повлиять на итоги переговоров с политическими представителями хорватов. Поэтому данный вопрос не мог стоять на повестке дня до того момента, как между сербами и хорватами не будет подписан договор. При этом князь Павел называл и деятельность Коминтерна в Югославии причиной неурегулирования отношений с СССР. Но, по мнению Кризмана, из-за угрозы войны – угроз со стороны Италии – югославская элита стала осознавать необходимость признания Советского союза в целях укрепления внешнеполитической позиции страны. В итоге в июне 1940 года были установлены дипломатические отношения⁴⁴.

41 <https://www.pisi.co.rs/authors/bogdan-krizman/> (дата обращения: 20.7.2025)

42 BOGDAN KRIZMAN, *Vanjska politika jugoslavenske države 1918–1941. Diplomatsko-historijski pregled* (Zagreb: Školska knjiga, 1975), 68.

43 *Ibid.*, 75–78.

44 *Ibid.*, 111–112.

В вышедшей в 1981 году «Истории Югославии» профессор философского факультета Белградского университета, историк Бранко Петранович писал, что правящая элита Югославии на фоне поражения Франции и попыток Великобритании повлиять на ход событий в стране, вынуждена была опираться на СССР. Из-за «страха перед экспансией большевизма и панславизма», и убеждения о том, что «политика Сталина ведет к мировой революции», князь Павел выражал готовность признать СССР только тогда, когда это будет нужно и в мирное время. Однако события 1938 и 1939 годов повлияли на решение правительства Югославии установить отношения с СССР. С другой стороны, по мнению профессора, после того как СССР «потерял» Болгарию, свое внимание он стал уделять Югославии⁴⁵.

Как указывалось выше, в 1950-е годы стали появляться и статьи по двусторонним отношениям военных лет. В период с 1950 по 1991 год в журнале «Военно-исторический вестник», который выходил в издательстве Военно-исторического института Югославской армии, были опубликованы 22 статьи, в которых так или иначе освещался вопрос роли солдат и офицеров Красной армии в освобождении Сербии и Белграда. Работы по этой теме в основном выходили к юбилейным датам. В первых статьях, которые были опубликованы в 1955 году, авторы – высшие офицеры, директора Института – утверждали, что существенный вклад в освобождение Сербии и Белграда внесли подразделения Народно-освободительной армии Югославии. Роль советских солдат приуменьшалась или недооценивалась. В 1960-е годы в работах были заметны иные тона. Так в статье, вышедшей в 1964 году, впервые был опубликован перечень подразделений Красной армии, участвовавших в освобождении Белграда. К 30-летию освобождения страны особый акцент делался на самобытности югославской революции, а авторы подчеркивали, что страна освободилась своими собственными силами⁴⁶ – что соответствовало официальному нарративу тех лет⁴⁷. В 1980 году автор одной из статей признавал, что «в результате совместных боевых действий» двух армий «была достигнута совместная победа» – Белград был освобожден. Тем не менее сопо-

45 BRANKO PETRANOVIĆ, *Istorija Jugoslavije. 1918–1978*. (Beograd: Nolit, 1981).

46 ДАЛИБОР ДЕНДА, „Радови о учешћу совјетских трупа у ослобођењу Југославије у часопису Војноисторијски гласник“, в *Ослобођење Београда 1944: зборник радова* (Београд: Институт за новију историју Србије, 2010), 536–539.

47 МИЛАНА ЖИВАНОВИЋ, *И крст и петокрака. Руски гробни комплекси у Југославији у 20. веку* (Београд: Институт за новију историју Србије, 2020), 427.

ставляя потери Красной армии в освобождении Югославии и других стран Европы, автор очевидно подчеркивал роль Народно-освободительной армии Югославии в боевых действиях⁴⁸. В статье профессора Бранко Петрановича, вышедшей в 1988 году, впервые была дана оценка сотрудничеству между двумя армиями и его значению как для укрепления коммунистической власти в стране, так и для дальнейших действий Красной армии⁴⁹.

Стоит упомянуть и вышедшую в 1970 году статью, затрагивавшую один сюжет военных лет. Само название статьи – «Ожидание советской помощи на Дурмиторе в 1942 году» – довольно показательное и говорит о том, в каком ключе в ней будет рассматриваться данный сюжет. Автор статьи – Павле Милошевич – утверждал, что исходя из потребностей партизанских подразделений в материальной части, которые были особенно заметны в 1941–1942 годах, руководство Народно-освободительного движения Югославии обращалось, в первую очередь, к СССР с просьбами о поставках военной помощи. Но из-за международной обстановки и положения самого партизанского движения эти призывы не были успешными. Автор считал, что непоставку обещанной в начале 1942 года военной помощи «отчасти» можно объяснить «политической осторожностью» советского правительства. Милошевич предполагал, что нестабильная ситуация на фронтах и слабая позиция СССР в составе антигитлеровской коалиции влияли на политику СССР, который в данный период войны нуждался в сотрудничестве с западными союзниками и в их помощи⁵⁰. Отметив, что Верховный штаб стал сомневаться в том, что Советский союз сознательно идет на уклонение от поставок материальной части в Югославию, автор, как раз, подчеркнул, что этот сюжет следует рассматривать в контексте международной обстановки, напоминая и о расстоянии от линии фронта до Югославии на этот момент, и о самом положении на фронтах. Но при всем этом, Милошевич не стал делать выводы, насколько ли действительно вышеуказанные факторы повлияли на непоставку помощи⁵¹.

На одной малоизвестной странице в истории советско-югославских отношений военных лет коротко остановилась группа авторов

48 Далибор Денда, „Радови о учешћу совјетских трупа у ослобођењу Југославије у часопису Војноисторијски гласник“, 541.

49 Ibid, 542.

50 Павле Милошевић, „Ишчекивање совјетске помоћи на Дурмитору 1942. године“, *Историјски записи*, по. 3–4 (1970), 387–388.

51 Ibid, 396–397.

книги «Народно-освободительная армия Югославии». Они упомянули, что еще в конце 1942 года в ряды Народно-освободительной армии Югославии стали вступать граждане СССР. Речь шла о советских военнопленных (солдатах и офицерах Красной армии), которые сбежали из немецких лагерей, расположенных на территории Югославии, куда их привезли летом 1942 года. Потом в армию вступили и гражданские лица, те, кого оккупанты депортировали и содержали в лагерях или находились на принудительных работах в Югославии или сбежали из лагерей в Австрии, Греции, Албании, Италии. Определенное число советских граждан прибыло из партизанских подразделений, расположенных в Греции и Италии, другие – из Вермахта. При этом авторы подчеркнули, что по численности иностранных бойцов граждане СССР занимали второе место в рядах Народно-освободительной армии Югославии. В книге упоминались и состоявшиеся из иностранных граждан формирования, которые существовали в Народно-освободительной армии Югославии с 1944 года. Самое большое число таких подразделений было сформировано из граждан СССР. По сведениям авторов, в 1944 году было создано 13 «русских» партизанских рот и 7 батальонов. Говорилось также и о советской военной помощи.⁵²

Самый большой вклад в изучение советско-югославских отношений времен Второй мировой войны внес Никола Б. Попович, один из крупнейших специалистов по истории русско-сербских отношений, главный научный сотрудник, потом директор Института современной истории. Он – автор первой монографии по истории двусторонних отношений периода 1941–1945 годов, которая вышла в 1988 году. В книге автор утверждал, что советское правительство, поддерживавшее контакты с руководством Народно-освободительного движения Югославии, не соглашалось на просьбы и призывы британского и югославского правительства в изгнании помочь им подчинить коммунистическое движение монархическому четничскому движению или объединить эти движения. Тем самым, согласно трактовке ученого, в случае Югославии СССР отступил от своей позиции о необходимости создания единого антифашистского фронта, несмотря на идеологическую и политическую принадлежность, показав, что поддерживает коммунистическое движение. С другой стороны, правительство СССР

52 NIKOLA ANIĆ, SEKULA JOKSIMOVIĆ, MIRKO GUTIĆ, *Narodnooslobodilačka vojska Jugoslavije. Pregled razvoja oružanih snaga Narodnooslobodilačkog pokreta 1941–1945.* (Beograd: Vojnoistorijski institut, 1982).

советовало Центральному комитету Коммунистической партии Югославии создавать антифашистское, народно-освободительное движение, что на практике означало – «поглотить» все остальные движения и стать единственным «носителем сопротивления»⁵³.

По мнению ученого, встреча Тито с Сталиным, состоявшаяся в сентябре 1944 года в Москве являлась переломным моментом в истории советско-югославских отношений в годы Второй мировой войны, так как ее итогами стали: де факто признание советским правительством Национального комитета освобождения Югославии правительством Югославии, совместные боевые действия Красной армии и Народно-освободительной армии Югославии на территории Югославии, крах оккупационных властей, снабжение Народно-освободительной армии Югославии оружием и материальной частью, т.е. ее перерастание в армию со современным оборудованием, а также возникновение органов народной власти в восточной части Югославии⁵⁴. С того же момента СССР стал оказывать «безоговорочную» политическую поддержку, а также военную помощь, «предопределившую исход войны и революции в Югославии»⁵⁵. Попович также утверждал, что «Народно-освободительное движение Югославии, при политической, моральной поддержке и военной помощи со стороны СССР, сформировало международно признанное правительство, что по сути означало победу революции»⁵⁶. В своей книге ученый остановился и на сюжете, затрагивавшемся Милошевичем в вышеупомянутой статье. Попович подчеркнул, что советская сторона не смогла удовлетворить просьбам о предоставлении военной помощи – возможностей не было, так как вся материальная часть использовалась для фронта, при этом, у СССР не было самолетов, которые смогли бы преодолеть большие расстояния и доставить необходимое в Югославию. Однако после закрепления коренного перелома в ходе войны началась отправка оружия, боеприпасов, оборудования, медицинских изделий. Также в Югославию направляли и врачей, санитарные миссии, военных инструкторов⁵⁷.

До 1980-х годов отсутствовали работы по истории советско-югославских политических отношений в период после окончания Второй

53 NIKOLA B. POPOVIĆ, *Jugoslovensko-sovjetski odnosi u Drugom svetskom ratu (1941–1945)* (Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1988), 308–309.

54 Ibid, 313–314.

55 Цит. по: Ibid, 314.

56 Цит. по: Ibid, 314.

57 Ibid, 314.

мировой войны. К этой теме обратился вышеупомянутый профессор Петранович в вышедшей в 1981 году «Истории Югославии». Автор утверждал, что в течение первых послевоенных лет социалистическая Югославия, с одной стороны, давала отпор попыткам государств Запада помешать ее самостоятельному развитию, с другой – она опиралась на «вечный союз» с СССР, который руководством югославской компартии воспринимался как помощь в строительстве социализма, а сами отношения между странами – как равноправные⁵⁸. При этом профессор подчеркивал, что руководство страны, невзирая на недопонимание, расхождения в оценках, а также инциденты, произошедшие как в ходе войны, так и по ее окончании, и в 1945 году, считало Советский Союз «естественным союзником руководящих общественных сил» в стране⁵⁹. Согласно трактовке Петрановича, соглашения, которые в течение первых послевоенных лет Югославия подписывала с другими странами, наряду с популярностью Тито вызывали подозрения у Сталина, который «не смог мириться со славой другого человека». К тому же, по мнению историка, лидер СССР «никогда не воспринимал революцию в Югославии как самобытную»⁶⁰. Профессор утверждал, что основной целью учреждения Информбюро было подчинение Югославии. В 1948 году произошло, по мнению историка, «нападение Сталина на КПЮ и ее руководство». Причины конфликта коренились в самой сути югославской революции, росте авторитета Тито, принципе суверенного равенства государств, а также в особенности внутреннего развития страны. Профессор писал, что Сталин рассчитывал на то, что публикация Резолюции Информбюро в июне 1948 года приведет к мятежу в самой югославской компартии и свержению ее руководства. «Из-за единства КПЮ и народа, а также их решимости дать отпор нападающему Сталин не предпринял никаких военных действий против Югославии», – Петранович утверждал, добавляя при этом, что летом 1950 года лидер СССР начал подготовку к вторжению в Югославию с целью свержения Тито⁶¹. «Войну против Тито Сталин вел до своей смерти».⁶²

Смертью советского лидера, как раз, и были созданы условия для урегулирования двухсторонних отношений. Первый шаг к урегулированию сделал ЦК КПСС в июне 1954 года, год спустя отношения были

58 BRANKO PETRANOVIĆ, *Istorija Jugoslavije. 1918–1978*. (Beograd: Nolit, 1981).

59 Цит. по: Ibid.

60 Цит. по: Ibid.

61 Цит. по: Ibid.

62 Цит. по: Ibid.

восстановлены. Тем не менее и в последующие годы возникали конфликты, по мнению профессора, между странами существовало недоверие. Причиной стало стремление Югославии продолжить вести самостоятельную политику активного мирного сосуществования. Но в данный период между государствами развивалось и сотрудничество⁶³.

В 1980-е годы вышло еще несколько работ, в которых затрагивался вопрос советско-югославских отношений в первые послевоенные годы. В своей статье историк Любодраг Димич, который станет впоследствии профессором философского факультета Белградского университета и действительным членом Сербской академии наук и искусств, утверждал, что сложившиеся после окончания Второй мировой войны отношения между двумя странами и партиями напрямую влияли на культурную политику Югославии⁶⁴. О советских фильмах, вышедших в прокат в Хорватии в период с 1945 по 1952 год, писала Злата Кнезович. Давая очень критическую оценку политике СССР в сфере кинематографии, автор утверждала, что в период с 1945 по 1949 год в кинопрокате доминировали фильмы производства СССР. В 1950 году доля советских фильмов составляла примерно 50 %, на самом пике советско-югославского конфликта – в 1951 и в 1952 году – 0%⁶⁵.

В период с 1944 по 1991 год в югославской историографии было опубликовано несколько трудов по советско-югославским отношениям и всего одна монография, при этом только в конце существования этого многонационального государства. Большой вклад в изучение двухсторонних отношений межвоенного периода внес Вук Винавер, хотя в его работах нашли отражения нарративы социалистических властей относительно политики Королевства сербов, хорватов и словенцев / Королевства Югославия. К сюжетам военных лет и боевым действиям Красной армии и Народно-освободительной армии Югославии обращались в основном высшие офицеры и сотрудники Военно-исторического института, отражая также в своих работах официальные нарративы страны относительно вклада двух армий в освобождение страны. В вышедшей в 1988 году из-под пера выдающегося историка Николы Б. Поповича книге беспристрастно освещались советско-ю-

63 Ibid.

64 LJUBODRAG DIMIĆ, „Sovjetski kulturni uticaj u Srbiji 1945–1950.“, *Jugoslavenski istorijski časopis*, no. 1–2 (1987), 156–157.

65 ZLATA KNEZOVIĆ, „Idejno-politička uloga sovjetskih filmova u filmskom repertoaru u Hrvatskoj 1945–1952.“, *Časopis za suvremenu povijest*, no. 1–2 (1988), 145, 147–150, 171.

гославские отношения в годы Второй мировой войны. До 1980-х годов отсутствовали работы по истории советско-югославских политических отношений в период после окончания Второй мировой войны. Их обзор дал профессор Бранко Петранович в «Истории Югославии», в котором присутствовала заметна критика в адрес советской политики, а также деятельности и личности Сталина.

References

- NIKOLA ANIĆ, SEKULA JOKSIMOVIĆ, MIRKO GUTIĆ, *Narodnooslobodilačka vojska Jugoslavije. Pregled razvoja oružanih snaga Narodnooslobodilačkog pokreta 1941–1945*. [People's Liberation Army of Yugoslavia. An Overview of the Growth of the National Liberation Movement's Armed Forces from 1941 to 1945] (Beograd: Vojnoistorijski institut, 1982).
- DALIBOR DENDA, "Radovi o učešću sovjetskih trupa u oslobođenju Jugoslavije u časopisu Vojnoistorijski glasnik" [Articles Published in the "Vojnoistorijski glasnik" Journal about Soviet Troops' Involvement in the Liberation of Yugoslavia], v *Oslobođenje Beograda 1944: zbornik radova* (Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2010), 534–544.
- LJUBODRAG DIMIĆ, "Josip Broz i Nikita Sergejevič Hruščov: razgovori u Beogradu 27. maj – 2. jun 1955" [Josip Broz and Nikita Sergeevich Khrushchev: Talks in Belgrade, May 27–June 2, 1955], *Istorijski glasnik*, no. 1–2 (1997), 35–67.
- LJUBODRAG DIMIĆ, "Sovjetski kulturni uticaj u Srbiji 1945–1950" [Soviet Cultural Influence in Serbia, 1945–1950], *Jugoslovenski istorijski časopis*, no. 1–2 (1987), 155–173.
- A. B. EDEMSKII, *Ot konflikta k normalizatsii. Sovetsko-jugoslavskie otnosheniia v 1953–1956 gg.* [From Conflict to Normalizations. Soviet-Yugoslav Relations, 1953–1956] (Moskva: Rossiiskaia akademiiia nauk, Institut slavianovedeniia, 2008).
- L. J. GIBIANSKI, "Sovjetsko-jugoslovenski sukob 1948: istoriografske verzije i novi arhivski izvori" [The 1948 Soviet-Yugoslav Conflict: Historiographic Versions and New Archival Materials], in *Jugoslavija v hladni vojni: Zbornik z Znanstvenega posveta Jugoslavija v hladni vojni* (Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino; Toronto: University, 2004), 27–47.
- MIROSLAV JOVANOVIĆ, *Srbi i Rusi 12–21. vek: istorija odnosa* [Serbs and Russians, 12–21 Century: A History] (Beograd: Narodna biblioteka Srbije, 2012).
- Jugoslovensko-sovjetski sukob 1948. godine: Zbornik radova* [The 1948 Yugoslav-Soviet Conflict: Collection of Papers] (Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1999).
- ZLATA KNEZOVIĆ, "Idejno-politička uloga sovjetskih filmova u filmskom repertoaru u Hrvatskoj 1945–1952" [The Ideological and Political Role of Soviet Film in Croatian Movie Theaters from 1945 to 1952], *Časopis za savremenu povijest*, no. 1–2 (1988), 137–171.
- BOGDAN KRIZMAN, <https://www.pisi.co.rs/authors/bogdan-krizman/> (Accessed: 20.7.2025)
- BOGDAN KRIZMAN, *Vanjska politika jugoslavenske države 1918–1941. Diplomatsko-historijski pregled* [The Yugoslav State's Foreign Policy from 1918 until 1941. Diplomatic and Historical Review] (Zagreb: Školska knjiga, 1975).
- MIRO LJUB KRŠLJANIN, "Kontrarevolucionarna akcija kraljevskih vlada u Beogradu protiv SSSR-a (1918–29)" [Counter-revolutionary Action of the Royal Governments in Belgrade against the USSR (1918–1929)], *Pregled*, no. 10 (1956), 647–656.
- PAVLE MILOŠEVIĆ, "Iščekivanje sovjetske pomoći na Durmitoru 1942. godine" [Anticipation of Soviet Aid at Durmitor, 1942], *Istorijski zapisi*, no. 3–4 (1970), 387–397.
- BRANKO PETRANOVIĆ, *Istorija Jugoslavije. 1918–1978*. [History of Yugoslavia, 1918–1978] (Beograd: Nolit, 1981).

NIKOLA B. POPOVIĆ, *Jugoslovensko-sovjetski odnosi u Drugom svetskom ratu (1941–1945)* [Yugoslav-Soviet Relations during the World War II] (Beograd: Institut za savremenu istoriju, 1988).

ALEKSEJ TIMOFEJEV, *Rusi i Drugi svetski rat u Jugoslaviji: Uticaj SSSR-a i ruskih emigranata na događaje u Jugoslaviji 1941–1945.* [Russians and the Second World War in Yugoslavia: The Impact of the USSR and Russian Emigrants on Events in Yugoslavia, 1941–1945] (Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2011).

ĐOKO TRIPKOVIĆ, *Jugoslavija–SSSR (1956–1971)* [Yugoslavia-USSR, 1956–1971] (Beograd: Institut za savremenu istoriju, 2013).

VUK VINAVER, <https://www.pisi.co.rs/authors/vuk-vinaver/> (Accessed: 3.7.2025)

VUK VINAVER, "Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919–1929" [Yugoslav-Soviet relations, 1919–1929], *Istorija 20. veka*, no. 7 (1965), 93–186.

VUK VINAVER, "Jugoslovensko-sovjetski pakt od aprila 1941. Godine" [Yugoslav-Soviet Pact from April 1941], *Istorijski glasnik*, no. 1 (1973), 7–87.

VUK VINAVER, "Neuspeh tajnih jugoslovensko-sovjetskih pregovora 1934–1938. godine (jedna značajna etapa u nemačkom osvajanju Podunavlja)" [The 1934–1938 Secret Yugoslav-Soviet Negotiations' Failure (A Significant Stage in Germany's Conquest of the Danube Region)], *Zbornik za istoriju*, no. 3 (1971), 28–83.

VUK VINAVER, "O jugoslovensko-sovjetskoj trgovini između dva rata" [Yugoslav-Soviet Trade during the Two Wars], *Pregled*, no. 1–2 (1967), 93–109.

VUK VINAVER, "Pašić, radikali i pitanje uspostavljanja jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa (1919–1926)" [Pašić, Radicals, and the Establishment of Yugoslav-Soviet Diplomatic Relations (1919–1926)], *Pregled*, no. 9 (1967), 217–230.

VUK VINAVER, "Prilog istoriji jugoslovensko-sovjetskih odnosa 1929–1934. Godine" [A Contribution to the History of Yugoslav-Soviet Relations, 1929–1934], *Istorijski glasnik*, no. 1 (1965), 3–58.

VUK VINAVER, "Spoljnopolitička pozadina uspostavljanja jugoslovensko-sovjetskih diplomatskih odnosa 1940. Godine" [The Foreign Policy Context for the Establishment of Yugoslav-Soviet Diplomatic Relations in 1940], *Zbornik Matice srpske za društvene nauke*, no. 45 (1966), 5–60.

MILANA ŽIVANOVIĆ, *I krst i petokraka. Ruski grobni kompleksi u Jugoslaviji u 20. veku* [Both Cross and Five-pointed Star. Russian Burial Sites in Yugoslavia in the 20th Century] (Beograd: Institut za noviju istoriju Srbije, 2020).

MILANA ŽIVANOVICH, "Jugoslavskaja nauchnaia literatura ob uchastii ruskikh emigrantov v dvizhenii Soprotivleniia" [Yugoslav Historiography on the Participation of Russian Emigrants in the Resistance Movement], *Ezhegodnik Doma ruskogo zarubezh'ia im. Aleksandra Solzhenitsyna*, no. 12 (2023), 21–27.